

Среди подобных семитизмов мы встречаемся с фразеологическими оборотами, где слова «душа», «лицо», «рука» и другие употребляются в значении служебных слов. Сюда же относим оборот «есть хлеб» в значении «принимать пищу». Семитизмы другого рода — это собственно синтаксические модели, распространенные в древнееврейском, арамейском, сирийском и других семитских языках, оказывавших воздействие на греческий язык эллинистического и римского времени. Так, например, оборот типа $\tilde{\eta}\nu\ \delta\acute{\iota}\delta\alpha\sigma\kappa\omega\nu$ — «бѣ оуча» (буквально «был учащим», т. е. «учил»). В таком обороте справедливо видят сколок с арамейско-сирийского сочетания действительного причастия с перфектом вспомогательного глагола כָּיָא (быть). Из такого сочетания создается выражение для обозначения длительности или повторяемости действия в прошлом.⁹⁴

К библеизмам относят также инверсированный порядок слов в простых предложениях с глаголом-сказуемым впереди подлежащего, например: «В начале сотвори бог небо и землю». Особенно же явственно сказывается воздействие семитического синтаксиса на язык позднегреческих произведений в использовании соединительного союза $\omega\omega\upsilon$ («и») в роли подчинительного с целевым значением. Это отражение семитического союза «вав консекутивум», например: «измыите сА, и чисти боудете»; «тльцѣте, и отврзеть сА, просите, и дано боудеть вамъ» и т. п.

Одна из новейших работ, посвященных семитизмам в старославянских переводах библейских книг, принадлежит перу украинского исследователя древней славянской письменности Ивана Огиенко, писавшего в последние годы под именем митрополита Илариона.⁹⁵ Как показывает его исследование, налет семитизмов как того, так и другого типа весьма заметен в языке всех старославянских переводов. Впрочем, их наличие не может свидетельствовать о каком-то негреческом архетипе переводов, ведь, как сказано выше, такие библеизмы были глубоко укоренившимися в греческом языке того времени, когда производились древнейшие переводы церковных книг первоучителями славянства.⁹⁶

Иногда, правда, несколько большее количество семитизмов-библеизмов, обнаруживаемых в славянских переводах евангелия по сравнению с их греческими оригиналами, заставляло отдельных ученых предполагать, что Константин-философ, первоучитель славян, который в совершенстве владел древнееврейским и сирийским языками, трудясь над своими переводами, мог пользоваться, кроме греческого текста новозаветных книг, еще и сирийским их текстом.⁹⁷

Значительно более существенны с точки зрения определения того, с какого именно языка могли быть переведены те или иные древнерусские переводные произведения, такие черты синтаксиса семитических оригиналов, которые в общем виде не были восприняты греческим языком и противоречат строю как греческого, так и славянских языков. Это в большинстве случаев совершенно необычные словосочетания с глагольным предложным управлением или взамен беспредложного управления, свойственного в подобных оборотах славянским языкам, или своеобразное значение и употребление предлогов, характерное для семитического синтаксиса.

⁹⁴ Carl Brockelman. Syrische Grammatik. 8-e Auflage. Verlag Enzyklopädie. Leipzig, 1960, стр. 114.

⁹⁵ M. Hilarion. Die Hebraismen in der altslavischen biblischen Sprache. — Münchener Beiträge zur Slavenkunde. Festgabe für P. Diels. München, 1953, стр. 18 и сл.

⁹⁶ Henrik Birnbaum. Zur Aussonderung der syntaxischen Gräzismen im Altkirchenslavischen. — Scandoslavica, т. IV. Kopenhagen, 1958, стр. 239—257.

⁹⁷ R. Jacobson. Saint Constantin et la langue syriaque. — Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves. New York, 1939—1944, стр. 181.